

> МАГИСТРАЛЬ <

ЭРНЕСТО САБАТО

О героях и могилах

Москва

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
С12

Ernesto Sabato

SOBRE HÉROES Y TUMBAS

© Heirs of Ernesto Sabato + c/o Schavelzon Graham
Agencia Literaria + www.schavelzongraham.com

Перевод с испанского Евгении Лысенко

Художественное оформление серии Натальи Портяной

Сабато, Эрнесто.

С12 О героях и могилах / Эрнесто Сабато ; [перевод с испанского Е. М. Лысенко]. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-214832-3

Эрнесто Сабато — аргентинский писатель, трижды номинированный на Нобелевскую премию. В его романе «О героях и могилах» магический реализм переплетается с детективным сюжетом и лавкрафтовскими ужасами.

Александра застрелила своего отца. После чего разлила керосин в спальне и подожгла. Все вело к этой трагедии. Подброшенная голова полковника Асеведо, оставшаяся в доме Ольмосов в качестве семейной реликвии. Родовое безумие. Мартин, влюбившийся в Александру и не желающий ее отпускать. И, конечно же, расследование Фернандо. Его навязчивые мысли о слепых, многочисленные попытки выследить членов Секты и открыть их страшную тайну.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-214832-3

© Лысенко Е., перевод на русский язык,
наследники, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Существует род художественного творчества, через которое автор пытается избавиться от наваждения, ему самому не вполне понятного. Хорошо это или плохо, но я способен писать лишь в таком роде. Есть еще разные непонятные истории, которые я, будучи подростком, не мог не писать. К счастью, издавать их я не спешил и только в 1948 году решился опубликовать одну из них — «Туннель». В последующие тринадцать лет я продолжал исследовать темный лабиринт, ведущий к главной тайне нашей жизни. Не раз и не два пробовал я изложить плоды моих изысканий, однако, разочарованный жалкими результатами, в конце концов уничтожал написанное. Но вот теперь несколько друзей, прочитав мою рукопись, убедили меня отдать ее в печать. Хочу здесь выразить им всем благодарность за доверие и за их веру в меня, которой у меня самого, к сожалению, никогда не было.

Посвящаю этот роман женщине, стойко поддерживавшей меня в периоды упадка, которые у меня так часты. Без нее я вряд ли смог бы довести дело до конца. И хотя она достойна лучшего, но и в таком виде, со всеми несовершенствами, книга эта принадлежит ей.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Данные первого осмотра показали, что бывший бельведер, служивший Александре спальней, был заперт на ключ изнутри самою Александрой. Затем (через какое время, точно определить невозможно) она застрелила своего отца четырьмя пулями из револьвера тридцать второго калибра. После чего разлила керосин и подожгла.

Эта трагедия, потрясшая весь Буэнос-Айрес, ибо речь шла о старинной аргентинской семье, могла сперва показаться следствием приступа безумия. Однако теперь в первоначальную схему вторгся новый элемент, ее нарушающий. В квартире, которую под вымышленным именем занимал в Вилья-Девото¹ Фернандо Видаль, было обнаружено странное «Сообщение о слепых», завершенное им в ночь своей гибели. По имеющимся у нас сведениям это рукопись параноика. Тем не менее полагают, что из нее можно извлечь данные, которые проливают свет на совершенное преступление и опровергают гипотезу о безумии в пользу гипотезы более мрачной. Если эта версия подтвердится, станет также понятно, почему Александра не покончила с собой двумя оставшимися в револьвере пулями, а предпочла самосожжение.

(Из полицейской хроники,
опубликованной в газете «Расон»
от 28 июня 1955 года,
выходящей в Буэнос-Айресе)

I

ДРАКОН И ПРИНЦЕССА

I

Однажды в майскую субботу 1953 года, за два года до событий в Барракас², по одной из дорожек парка Лесама шагал высокий сутулый юноша.

Он сел на скамью возле статуи Цереры, да так и застыл в неподвижности, погруженный в свои мысли. «Как лодка, дрейфующая по большому озеру, с виду спокойному, но с глубокими и сильными подводными течениями», — подумал Бруно, когда после гибели Александры Мартин сбивчиво, отрывочно рассказал ему кое-что из того, что было связано с сообщением о ее смерти. И Бруно не только подумал это, но понял — еще бы! — ибо тот семнадцатилетний Мартин напомнил ему собственного его предка, давнего Бруно, который иногда смутно виделся ему за далью туманного пространства в тридцать лет — пространства, обогащенного и опустошенного любовью, разочарованием и смертью. Он меланхолически воображал себе Мартина в старом парке, при сумеречном свете, медлящем на скромных статуях, на задумчивых бронзовых львах, на дорожках, покрытых увядшими мертвыми листьями. Видел его в тот час, когда становятся слышны тихие шорохи, а сильные шумы постепенно отдаляются, вроде того, как стихают чересчур громкие разговоры в комнате умирающего; и тогда ропот фонтана, шаги прохожего, щебетанье птиц, без устали мостящихся в своих гнездах, далекий крик

ребенка обретают необычную значительность. В эти секунды происходит таинственное событие: наступает ночь. И все вокруг меняется: деревья, скамьи, пенсионеры, там и сям разжигающие костры из сухих листьев, сирена парохода в Дарсена-Сур³, глухие отзвуки города. Это час, когда все погружается в существование более глубокое и загадочное. Но также более опасное для одиноких людей, которые, молча и задумавшись, сидят на скамьях в парках и на площадях Буэнос-Айреса.

Мартин поднял с земли обрывок газеты, клочок, имевший очертания какой-то страны — несуществующей, но возможной. Машинально прочел слова о Суэце, о коммерсантах, которых отправляют в тюрьму в Вилья-Девото, о речи Георгиу по прибытии. С оборотной стороны, наполовину заляпанной грязью, виднелся снимок: «Перон⁴ посещает театр Диссенполо⁵». Ниже заметка о том, как бывший солдат зарубил топором свою жену и еще четырех человек.

Мартин отшвырнул клочок. «Почти никогда ничего не происходит, — скажет ему Бруно через несколько лет, — пусть даже чума где-нибудь в Индии выкосит девять десятых населения». Он снова увидел размалеванное лицо своей матери, когда она говорила: «Ты существуешь, потому что я прозевала». Храбости, да, да, просто храбости ей не хватило. Иначе угодил бы он в клоаку.

Матьклоака.

— И вдруг, — сказал Мартин, — я почувствовал, что кто-то стоит за моей спиной и смотрит на меня.

Несколько секунд он сидел, застыв в той выжидающей, напряженной неподвижности, что сковывает нас, когда в темной спальне нам чудится подозрительный скрип половиц. У него уже не раз бывало это ощущение в затылке, однако обычно оно было стесняющим, неприятным; он ведь всегда считал себя (объяснил Мартин) некрасивым и нелепым, и само предположение, что кто-то за его спи-

ной изучает его или хотя бы наблюдает, раздражало; поэтому в трамваях и автобусах он усаживался в самом конце и в кинозал входил, когда свет уже был погашен. Но на этот раз он почувствовал что-то иное.

— Что-то, — он запнулся, как бы подыскивая подходящее слово, — что-то *тревожащее*, похожее на подозрительный скрип, который мы слышим или чудится нам, что слышим глубокой ночью.

Мартин сделал усилие, чтобы не отвести глаза от статуи, но на самом-то деле он ее уже не видел: глаза его были обращены внутрь, как бывает, когда думаешь о прошлом и пытаешься восстановить смутные воспоминания, требующие полной сосредоточенности духа.

«Кто-то старается вступить со мной в контакт», — взволнованно, по его словам, подумал он.

Чувство, что за ним наблюдают, по обыкновению усугубило его застенчивость: он считал себя уродливым, нескладным, неуклюжим. Даже его семнадцать лет казались ему достойными осмейния.

«Да это вовсе не так», — скажет ему через два года девушка, которая в тот момент стояла у него за спиной; огромный срок — думал Бруно — ведь измеряется он не месяцами и даже не годами, но, как это присуще подобному сорту людей, катастрофами духа и днями полного одиночества и несказанной печали; днями, которые удлиняются и искривляются, как тени-призраки на стенах времени. «Да это вовсе не так, ну нисколечко», — и, как художник изучает свою модель, она разглядывала его, нервно посасывая неизменную сигарету.

«Погоди», — говорила она.

«Нет, ты не просто славный парень», — говорила она.

«Ты интересный и глубокий человек, да и внешность у тебя очень необычная».

«Ну да, конечно», — соглашался Мартин, горько улыбаясь и думая: вот видишь, я прав, ведь такое говорится,

когда ты отнюдь не славный парень, а все прочее уже не имеет значения.

«Но я же тебе сказала: погоди, — с раздражением ответила она. — Ты длинный и узкий, как типы Эль Греко».

Мартин что-то хмыкнул.

«Да помолчи ты», — с возмущением продолжала она тоном ученого, которого перебили или отвлекли какими-то пустяками в тот самый момент, когда он вот-вот должен был найти желанную формулу. Снова принимаясь жадно сосать сигарету, как обычно в минуты сосредоточенности, и сильно хмурия брови, она прибавила:

«Но знаешь, будто в нарушение этой схемы испанского аскета тебя выдают чувственные губы. И кроме того, глаза у тебя влажные. Да молчи ты, я знаю, тебе совсем не нравится то, что я говорю, но дай мне закончить. Думаю, что вопреки твоим предположениям женщины должны находить тебя привлекательным. И даже выражение твоего лица. Смесь чистоты, грусти и подавляемой чувственности. Но кроме того... минуточку... Есть какое-то беспокойство в глазах под выступом лба, нависающего вроде балкона. Впрочем, не знаю, нравится ли мне в тебе именно это. Возможно, тут что-то другое... То, что твой дух господствует над плотью, как если бы ты постоянно держался по стойке смирино!. Ладно, “нравится” — это, пожалуй, не то слово, скорее, меня поражает, или восхищает, или раздражает, сама не пойму... Твой дух царит над телом, как суровый диктатор. Ну как если бы Пию XII пришлось сторожить публичный дом. Брось, не сердись, я знаю, ты ангельское существо. Кроме того, я же говорю, я сама не знаю, нравится ли мне это в тебе или же я это больше всего ненавижу».

Он изо всех сил старался не отводить глаз от статуи. Сказал, что в тот момент его пронзили страх и жгучее желание: страх обернуться и неодолимое желание сделать это. Он вспомнил, как однажды в ущелье Умауака⁶, на краю

Гарганта-дель-Дьябло^{*}, когда он смотрел в зияющую бездну у своих ног, неодолимая сила толкнула его вдруг перескочить на другую сторону. И в эту минуту с ним происходило нечто подобное: что-то словно бы толкало его перескочить через темную бездну «на другой край моего существования». И эта сила, бессознательная, но неодолимая, заставила его повернуть голову.

Едва увидев ее, он мгновенно отвел взгляд и снова устремился на статую. Он страшился людей: они казались ему непредсказуемыми, но главное, извращенными и порочными. Статуи же, напротив, доставляли ему спокойную радость, они принадлежали к миру стройности, красоты и чистоты.

Но видеть статую он уже был не в состоянии — перед глазами стоял мимолетный образ незнакомки: синее пятно ее юбки, чернота прямых длинных волос, бледность обращенного к нему лица. Это были словно бы цветные пятна на беглом эскизе художника — никаких деталей, указывающих на определенный возраст или тип. Но он знал — Мартин выделил это слово, — что в его жизни произошло нечто очень важное; знал не по тому, что увидели его глаза, но по мощному, воспринятыму им в безмолвии сигналу.

— Вы мне об этом много раз говорили, Бруно. Что события происходят редко, что они почти никогда не происходят. Кто-то там переплыvaет Дарданеллы, кто-то стал канцлером в Австрии, чума в десять раз уменьшила население какой-то области в Индии, а для тебя все это не имеет значения. Вы сами говорили мне, что это ужасно, но это так. И напротив, в тот момент у меня было четкое ощущение, что что-то произошло. Что-то такое, что изменит весь ход моей жизни.

Он не мог точно сказать, сколько прошло времени, но помнил, что после промежутка, показавшегося ему беско-

* Букв.: Глотка Дьявола.

нечным, почувствовал, что девушка поднимается и уходит. И тогда он на нее посмотрел: она была высокого роста, в левой руке держала книгу и шагала с какой-то нервной энергией. Мартин невольно поднялся и пошел за нею. Но вдруг, спохватившись и подумав, что она может обернуться и заметить его, идущего следом, в испуге остановился. И тут он увидел, что она идет в гору по улице Брасиль по направлению к улице Балькарсе.

Вскоре она скрылась из виду.

Он медленно побрел к своей скамье и снова сел.

— Но, — сказал он Бруно, — я уже не был тем человеком, что прежде. И больше никогда им не стал.

II

Прошло много дней, насыщенных волнением. Потому что он *знал*, что увидит ее снова, был уверен, что она вернется на то самое место.

За все это время он ничем иным не занимался, только думал о незнакомой девушке и каждый вечер усаживался на ту скамью, чувствуя в душе ту же смесь страха и надежды.

Пока однажды, подумав, что все это сплошная нелепость, он не решил сходить в Боку⁷, вместо того чтобы еще раз со смехотворным упорством идти к скамье в парке Лесама. И он шел уже по улице Альмиранте-Браун, как вдруг повернул обратно к привычному месту — сперва не торопясь и как бы колеблясь и робея, затем со все возрастающей спешкой, пока прямо-таки не побежал, будто боясь опоздать на условленное свидание.

Да, она была там. Он издали увидел, что она идет ему навстречу.

Мартин остановился, ощущая, как колотится его сердце.

Девушка подошла к нему и, стоя уже совсем близко, сказала:

— Я тебя ждала.

Мартин почувствовал, что у него слабеют ноги.

— Меня? — спросил он, краснея.

Он не смел на нее взглянуть, но заметил, что на ней был черный свитер с высокой горловиной и юбка, тоже черная или очень темного синего цвета (этого он сказать точно не мог, да и какое это имело значение). Глаза, показалось ему, у нее были черные.

— Черные? — спросил Бруно.

Да нет же, это ему так показалось. И когда он увидел ее во второй раз, то с удивлением обнаружил, что глаза у нее темно-зеленые. Возможно, первое впечатление объяснялось сумерками или его робостью, не позволявшей взглянуть на нее прямо, а верней всего, и тем и другим. И еще он при второй встрече увидел, что ее длинные прямые волосы, которые ему показались такими черными, на самом деле были с рыжеватым оттенком. Впоследствии ее портрет уточнился: губы пухлые, рот большой, пожалуй, слишком большой, складки в уголках рта опускались книзу, словно бы с горечью и презрением.

«Описывать мне внешность Александры, — сказал себе Бруно, — какое у нее лицо, какие складки у рта!» И он подумал, что именно эти презрительные складки и мрачный блеск в глазах более всего отличали лицо Александры от лица Хеорхины, которую он на самом-то деле любил. Потому что теперь он понял, что по-настоящему любил Хеорхину и, когда полагал, что влюбился в Александру, на самом-то деле стремился к матери Александры — подобно средневековым монахам, которые старались обнаружить изначальный текст под слоем реставрации, под зачеркнутыми и замененными словами. И это безумие было причиной столь печальных невстреч с Александрой, и Бруно иногда испытывал то же чувство, какое могло бы охватить его, если бы после долгих-долгих лет отсутствия он вернулся в дом своего детства и, попытавшись ночью открыть